

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Летописные сказания о княгине Ольге

Древнейший дошедший до нас памятник летописания «Повесть временных лет» сохранил в своем составе произведения, которые создавались на заре русской письменности. К ним относятся летописные сказания о княгине Ольге, представленные несколькими текстами: «Сказание о мести Ольги древлянам» (945 г.), «Сказание о покорении древлянской земли» (946 г.), «Повесть о путешествии Ольги в Царьград» (955 г.) и «Повесть о смерти Ольги» (969 г.).

В основе своей эти произведения были созданы в период язычества, возможно, еще при жизни княгини или вскоре после ее смерти. Возникли они как устные сказания, предания, легенды, в которых отразился интерес современников к незаурядной личности первой русской княгини-христианки. Подобные произведения устного народного творчества только тогда могли передаваться из поколения в поколение и сохраниться в памяти людей, когда рассказывали о событиях исключительных, поражающих внимание слушателей своей необычностью и значимостью. Именно к таким сказаниям относятся произведения о княгине Ольге. Слушателей восхищали мужество Ольги, ее находчивость, ум. Бытовавшие в устной традиции, эти произведения были записаны и обработаны книжниками в соответствии с теми идеями и задачами, которые выполняло летописание в период формирования раннефеодального государства.

На фольклорную основу произведений о княгине Ольге указывают не только их художественно-стилистическая сторона, но и сами идеи. Княгиня прославляется за те добродетели, которые почитаются не в христианском, а в языческом обществе. Родовая кровная месть за смерть близких считалась в то время священной обязанностью, а хитрость — качеством, достойным восхищения и прославления.

Наиболее последовательно фольклорная основа проявляется в «Сказании о мести Ольги». Об этом свидетельствует трехчастная композиция произведения, три мести. Каждый из эпизодов достаточно самостоятелен, имеет свою завязку, кульминацию и развязку.

Убив князя Игоря, древляне посылают лучших мужей своих к Ольге сообщить о его смерти и передать предложение выйти замуж за их князя Мала: «И послаша деревляне лучшие мужи, числом 20, в лодыи к Ользе». Это завязка. Мудрая, твердая и непреклонная княгиня выслушала послов и сказала: «Люба ми есть речь ваша, уже мне мужа своего не кресити (не воскресить); но хочю вы почтити наутрия (утром) пред людьми своими, а ныне идете в лодью свою, и лязите в лодыи величающесе, и аз утро пошлю по вы, вы же рыцете (говорите): не едем на копех, ни пеши идем, но понесете пы в лодье; и вознесуть вы в лодыи». Послы принимают предложение Ольги. Это кульминация в развитии сюжета. Когда же утром посланные от княгини явились к древлянам и, оказывая им великую честь, понесли гостей на княжеский двор прямо в лодках, Ольга приказала сбросить их вместе с лодками в яму. «Припикъши Ольга (припикнув к яме) и рече им: „Добра ли вы честь?“ Они же реша: „Пуще ны Игоревы смерти“. И повеле засыпати я живы, и посыпаша я». Такова развязка первой мести.

Легко заметить, что содержание фольклорного сказания о мести Ольги составляют загадки, которые древляне не могут отгадать. Эти загадки построены на ассоциации свадебного и похоронного обрядов: в лодках не только торжественно послали почетных гостей, сватов, но и покойников. Предложение древлянским сватам помыться в бане — не только дань глубокого уважения и гостеприимства, но и символ похоронного обряда. Наконец, тризна, которую пришла совершить Ольга по убитому Игорю, на самом деле оказывается тризной по убитым древлянам.

С фольклором роднит сказание и сам принцип изображения героев. Русская княгиня и древлянские послы изображаются гиперболически и тенденциозно. Составитель сказания идеализирует и гиперболизирует мудрость, хитрость, верность и непреклонность русской женщины. Напротив, древляне представлены здесь высокомерными, глупыми, чванливыми и недалекими.

На народно-поэтическую основу сказания указывает и диалогическая манера повествования. Все произведение представляет собой развернутый диалог княгини с древлянскими послами. «И поведаша Ользе, яко деревляне придоша, и возва я Ольга к собе и рече им: „Добри госте придоша“. И реша деревляне: „Придохом, княгине“. И рече им Ольга: „Да глаголите, что ради придосте семо?“. Реша же деревляне: „Посла ны Дерьвська земля“».

В «Сказании о мести Ольги» есть интересный эпизод, указывающий на фольклорное происхождение произведения. Сообщая о прибытии древлянских послов, летописец много внимания уделяет таким подробностям и деталям, которые в дальнейшем повествовании не играют существенной роли. «И послаша деревляне лучшие мужи, и присташа под Боричевым в лоды. Бе бо тогда вода текущи въздоле (возле) горы Киевския, и на подолю не сядяху людье, но на горе. Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордяти и Никифоров, а двор князь бяше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин». Летописец объясняет своему современнику, что древлянские ладьи пристают под Боричевым, так как вода тогда текла возле Киевской горы, что люди в то время жили не на подоле, а на горе; разъясняет читателю, где в то время был Киев и княжеский двор. Такое детальнейшее повествование летописца, безусловно, указывает на историческую дистанцию, на след устного предания. Используя его в своем рассказе, летописец как бы заранее предупреждает возможные сомнения и недоумения своих современников в истинности рассказываемого.

В «Повести временных лет» под 946 годом помещено еще одно сказание о мести Ольги. Оно тоже фольклорного происхождения и тематически связано с предыдущим. Здесь также прославляются хитрость, мудрость и настойчивость княгини, разбившей древлянское войско и целое лето державшей осаду города Искоростеня. Центральный эпизод сказания — взятие Искоростеня — иллюстрирует хитрость Ольги, гиперболизирует ее силу, находчивость и решительность.

Сказание 946 года испытало на себе влияние книжной традиции. Это особенно заметно во вступлении и заключении, которые добавлены самим летописцем, чтобы придать произведению законченность и целостность. Во вступлении отчетливо ощущается влияние воинской повести. «Ольга с сыном своим Святославом собра вои много и храбры, и иде на Дерьвську землю. И изыдоша деревляне противу. И сънемъшемася [сошлись] обема полкома на скупь [для схватки], суну копьем Святослав на деревляны, и копы лете сквозе уши коневу, и удари в ноги коневу, бе бо детеск [ибо был еще ребенок]. И рече Свенельд и Асмолд: „Князь уже почал; потягнете, дружина, по князе“. И победиша деревляны. Деревляне

же побегоша и затворишася в градех своих». Заключение сказания также выдержано в традициях, характерных для финала воинских повестей.

«Повесть о путешествии Ольги в Царьград» (955) по своему составу — сложное произведение. Рассказ о крещении княгини в Царьграде скорее всего восходит к какому-то письменному источнику, возможно, к недошедшей до нас повести о ее крещении. Эпизоды же, связанные со сватовством византийского императора — фольклорного происхождения и восходят к циклу легенд и преданий о мудрой княгине. Оба эти рассказа составляют первую часть повести о путешествии в Царьград и отличаются единством стиля, простотой и лаконичностью повествования. Главное внимание составитель обращает на мудрость княгини, связывая с этим фактом факт крещения Ольги. Уразумев подлинный смысл слов и побуждений императора Константина Порфирогенита, пораженного ее умом и красотой, княгиня кротко отвечала: «Аз погана есмь [язычница], да аще мя хощещи крестити, то крести мя сам; аще ли то не крещюся». Когда же после крещения император пригласил Ольгу и сообщил, что хочет взять ее в жены, княгиня резонно возразила: «Како хочещи мя пояти [взять в жены], крестив мя сам и нарек мя дщерею? А в хрестеянех того несть закона, а ты сам веси». И понял император, что перехитрила его Ольга. Он дал ей богатые дары и с честью отпустил домой, назвав своей дочерью.

По всей вероятности, первоначально этим и заканчивалась повесть о путешествии Ольги в Царьград. В дальнейшем, скорее всего в 40-х годах XI века, когда по инициативе Ярослава Мудрого составлялась «Древнейшая русская летопись», повесть пополнилась новым материалом. Ярослав принял деятельное участие в подготовке канонизации первых русских святых: Ольги, мучеников-варягов, Владимира, Бориса и Глеба. Сам акт канонизации должен был свидетельствовать о самостоятельности русской церкви и ее независимости от византийской. Составители «Древнейшей русской летописи» пользовались богатым и разнообразным материалом: многочисленными устно-поэтическими преданиями, византийскими хрониками и отдельными записями об исторических событиях, выступали выразителями общегосударственных интересов и патриотических настроений. Они героизировали образы первых русских князей, прославляли их мужество и находчивость при защите Русской земли от внешних врагов. Видимо, в момент составления «Древнейшей русской летописи» к рассказу о крещении Ольги было прибавлено поучение, написанное иным стилем, изобилующим цитатами и сравнениями из священного писания. Автор говорит о божественной премудрости княгини, прибегая к авторитетным сравнениям из библейской истории. Так, например, сравнива-

ет ее с «царицей эфиопьской», которая искала мудрости у Соломона, так и «блаженная Ольга искаше доброе мудрости божья» и нашла ее в христианской религии.

Итак, летописный текст 955 года составлялся в разное время и не является единым в жанровом отношении. Первая его часть — повесть о путешествии в Царьград и крещении Ольги — восходит к недошедшей до нас повести о крещении княгини и связана с народными легендами и преданиями о ее мудрости и находчивости. Вторая часть — произведение книжное, составленное позднее на основе первой части.

Летописный текст 969 года также неоднороден по своему составу. Первая его часть — повесть о смерти Ольги — отличается простотой стиля и лаконичностью повествования. «По трех днех умре Ольга, и плакася по ней сын ея, и внуци ея, и людье вси плачем великом, и несоша и погребоша ю на месте. И бе заповедала Ольга не творити трызны над собою, бе бо имущи презвитер, сей похорони блаженую Ольгу».

Вторая же часть летописной статьи представляет собой обширную похвалу княгине, написанную торжественно-риторическим слогом и содержащую характерные для жанра похвалы-сравнения и библейские цитаты. Возможно, что эта похвала была включена в летописный текст составителями «Древнейшей русской летописи», прославлявшими мудрость русской княгини — основоположницы христианства на Руси. «Си бысть предътекущая крестьянстей земли, аки деньница пред солнцем и аки зоря пред светом. Си бо сияше аки луна в нощи... Си первое вниде в царство небесное от Руси, сию бо хвалят рустие сынове аки началницу: ибо по смерти моляше бога за Русь».

Похвала Ольге — это прославление великого подвига княгини, чья жизнь, деяния, забота о Русской земле — наглядный урок современникам. И по смерти своей она молит и просит бога за Русскую землю.

Таким образом, летописные сказания о княгине Ольге относятся к начальному этапу русской письменности. Возникшие в народной среде, они бытовали в устной традиции, а в 40-х годах XI века были записаны, часть из них обработана летописцами и включена в состав «Древнейшей русской летописи». Рассказ о путешествии Ольги в Царьград был дополнен поучением книжного характера, а повесть о смерти — риторической похвалой.

В. А. ГРИХИН

Рисунок В. Комарова